

**Моя
биография**

Семен Гурарий

Азбука легенды

Диалоги с Майей Плисецкой

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

В книге использованы фотографии
из архива РИА Новости
Фотография на переплет предоставлена
Агентством «Vostok Photo Ab»

Гурарий, Семен Иосифович.

Г95 Азбука легенды: диалоги с Майей Плисецкой /
Семен Гурарий. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 256 с.; ил. — (Моя биография)

ISBN 978-5-17-097268-5

Перед вами необычная книга. В ней Майя Плисецкая одновременно и героиня, и автор. Это ампула ей было хорошо знакомо по сцене: выполняя задачу хореографа, она постоянно импровизировала, придумывала свое. Каждый ее танец выглядел настолько ярким, что сразу запоминался зрителю. Не менее яркой стала и «азбука» мыслей, чувств, впечатлений, переживаний, которыми она поделилась в последние годы жизни с писателем и музыкантом Семеном Гурарием. Этот рассказ не попал в ее ранее вышедшие книги и многочисленные интервью, он завораживает своей афористичностью и откровенностью, представляя неизвестную нам Майю Плисецкую.

Беседу поддерживает и Родион Щедрин, размышляя о творчестве, искусстве, вдохновении, секретах великой музыки.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097268-5

© С. Гурарий, 2016
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Светлой памяти
Майи Михайловны Плисецкой*

Вступление, или Путь к диалогу

Не уверен, всегда ли, как утверждают философы, путь истины — диалог. Но то, что беседа способна преображать человека, несомненно. Разумеется, при условии уважительности к правоте другого человека и преодоления сумятицы в попытке его понять, а значит, невольно оправдать и усилить аргументы собеседника. И, как результат, обнаружить в себе с радостным воодушевлением опыт другого. Особенно если эти другие — Майя Плисецкая и Родион Щедрин.

Тем, кто относительно хорошо знает или знал Плисецкую и Щедрина, трудно судить о них беспристрастно. Так как трудно было ими не восхищаться и не любить их.

Разумеется, проявления гениев нас порой смущают. Их свободный ум поражает неожиданными выводами, о коих и предстоит судить читателям, — словно резкое и неожиданное *па* танцовщицы.

И все же, по моему разумению, Плисецкая и Щедрин в своих суждениях, — вопреки сумбурному калейдоскопу противоречивых личностей, упомянутых в наших беседах, — ни разу не оши-

Семен Гурарий

блись. Благодаря их эстетической и нравственной пристрастности, все те, в ком они отметили подлинность дарования, только приобрели в их оценках дополнительную и непререкаемую значимость. Другие же — по меткому определению Плисецкой, не личности и даже не персоны, а персонажи, — с той же степенью убедительности потеряли ореол непогрешимости и исключительности.

Майя Плисецкая. Невообразимое, редчайшее качество подчинить своему дару такое количество независимых и противоположных личностей — уже само по себе чудо. Хриплый, нестройный, обжигающий хор ее современников обретал от соприкосновения с гениальным искусством балерины высшую согласованность.

Противоречила ли она себе как критик? В чем была ее, так сказать, мыслительная пластика? Подчиняясь вроде бы предложенному автором алфавитному принципу разговора, она, по существу, избрала прихотливо свободную, арабесковую форму беседы — от темы к теме, от личности к личности, от эпохи к эпохе...

Говорящая с вами, любезные читатели, собеседница вряд ли будет сочетаться с ее привычно устоявшимся в вашем сознании театральным обликом. Знаю по собственному опыту: порой попытка соединения этих разных измерений и в нашей беседе терпела такое крушение, что я отступал в растерянности, забывая на время, что

Вступление, или Путь к диалогу

гений — баловень природы во всех смыслах, что он творит и мыслит, не думая о правилах, с рождения усвоив, что в основе всего живого — самодвижение.

Вроде бы все так просто.

Щедрин — музыкальный сфинкс, значение которого еще никому пока до конца не удалось разгадать. Под обезоруживающе элегантною, рос-синиевскою улыбкою и мощною энергетикою сверх-скоростных жизненных и музыкальных темпов скрывается ранимая душа одного из самых трагичных художников нашего времени. Философ и поэт, скоморох и строгий полифонист, проникновенный народный сказитель и симфонист, автор монументальных опер и миниатюрист, создатель дерзновенных балетов и задорной музыки для детей и юношества...

Исполин, корни которого уходят в традиции русской народной музыки и многовековые обречения мировой культуры. Ему вольготно во вневременных пространствах. Перечень имен его творческих собеседников не может не поражать: протопоп Аввакум, Дионисий, Орландо ди Лассо, Шекспир, Бах, Бетховен, Пушкин, Шопен, Бизе, Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чайковский, Чехов, Альбенис, Маяковский, Мандельштам, Грин, Шостакович, Барток, Набоков, Твардовский, Вознесенский...

Несмотря на замечательные, исповедальные книги и бесконечное количество интервью, Майя

Семен Гурарий

Плисецкая долгие годы оставалась, тем не менее, как бы невидимой, под таинственным покровом мифов.

И важнейший из них — Родион Щедрин.

Вернее, мифическое явление миру их уникального жизненного и творческого союза. Давно эти имена звучат неразделимо, словно и были созданы только для того, чтобы обозначить этот двухголовый феномен, двуединое созвездие музыки и танца. Планету искусств Майи и Родиона. Планету Плисецкой—Щедрина.

В чем объединительная магия таких разных, несовпадающих, на первый взгляд, их жизненных импульсов, мотивов, истоков? Ведь ничто, казалось бы, не предвещало этого союза. Хотя по прошествии времени можно было бы с легкой самонадеянностью заявить, что рождению его способствовала сама эпоха или реальная череда событий.

Имя Родион — сопротивляющееся, крутое, с орехово-рафинадным Р. В звучании Родион — корневое ощущение Родины, Родни, Рода. Да и фамилия молодцевато гарцует на Р. Конечно, он — Родион. Родион — он. Он щедр. Он дрин (по-немецки — на месте). Одним словом, он — Щедрин.

Имя Майя — текучее, пластичное. Словно выныривает из волны. Из глубины. На выдох —

Вступление, или Путь к диалогу

ЙЯ. Наверх. Выплеском. Звучанье струящееся, льющееся, шелестящее. С легким цоканьем в фамилии — ПлисеЦКАя.

Интересно, что в имени и фамилии каждого из них нет совпадающих букв. Кроме одной символической, соединительного союза — **И**.

В еврейской семье Майи по материнской линии долгое время языком общения был литовский. У деда, зубного врача, двенадцать детей. Религия — иудаизм. Отец будущей балетной звезды — выходец из Белоруссии, убежденный коммунист, впоследствии генеральный консул Страны Советов на острове Шпицберген.

У Щедрина по отцовской линии все православные, дед священник. По материнской дед — беспартийный революционер и один из первых Героев Труда Страны Советов. Одна из бабушек «голубых кровей» — выпускница Смольного института — говорила в семье с дочерью, матерью будущего композитора, преимущественно по-французски.

В семье Майи атмосфера кино, театра, балета. Некоторые тети и дяди — известные артисты: Азарий Азарин, Суламифь Мессерер, Асаф Мессерер, Елизавета Мессерер. Мать, Рахиль Мессерер, актриса немого кино... Между родственниками говорливое безмолвие.

Семен Гурарий

Майе 11 лет: арест и расстрел отца. Мать в тюрьме, недовольство педагогами. Скитания по углам, успех приходит везде и всегда через преодоление.

Родион родом из народной русской песни и хора. Из музыкального ансамбля братьев Щедриных, его дядьев. Он с детства непроизвольно тяготеет к многоголосию, жизненному и музыкальному полифоническому согласию — со всеми вместе, в ансамбле, в хоре, в оркестре, в опере. Он — часть музыкального сообщества, даже если солист.

Доверительность в семье. Отец, Константин Щедрин, — профессиональный композитор. Удачливость с педагогами и наставниками: Яков Флиер, Юрий Шапорин, Дмитрий Шостакович, Александр Свешников. Друзья молодости не менее выдающиеся личности: Андрей Эшпай, Микаэл Таривердиев, Арно Бабаджанян, Андрей Вознесенский...

В музыкальных советских зарослях его дарование с самого начала произрастает не похожим ни на кого — эдаким могучим деревом, приумножающим годовые творческие кольца, кружевные, радостные, частушечные, полнокровно-спортивные.

Оба по жизни и творчеству — вопреки трудностям.

Он — шаг за шагом. Она — прыжками.

Он приумножает, расширяет, набирает.

Вступление, или Путь к диалогу

Она завоевывает.

Он олицетворяет свое поколение, страну. Возглавляет Союз композиторов России.

Она экзотичная, капризная, резкая. Не в струе, не в течении, вне структур.

Оба беспартийные.

Они встречаются уже состоявшимися личностями. И с тех пор не расстаются до самой смерти Майи. Что же их объединяет, кроме любви?

Классическая музыка, пронизывающая насквозь? Русская культура, русский язык, поэзия, литература? Москва с ее вавилонскими лабиринтами, воронками и колючими ветрами? Планетарность мышления? Любовь к футболу, путешествиям, юмору?

Вопросы, вопросы... Впрочем, можно ли расчленить возникающую «термоядерную» общность на бесконечно мелкие, суетливые, повседневные детали?

Они в известном смысле узнавали друг в друге самих себя. В великом этом узнавании заключено было не только нечто общее, не зависящее от их индивидуального видения. И их творчество — сочиняемая Щедриным музыка и балетные спектакли Плисецкой — было тоже родом прорастания друг в друга, когда вместе с дальнейшим узнаванием параметров и направленности творческих устремлений каждого углублялись самопознание и доверительность их уже общих отношений с миром. Так возникала их единая освоенность в государстве, в искусстве, в собственном

Семен Гурарий

бытии, будь то надежды, сомнения, сострадание и страх.

Состоялась бы Плисецкая без Щедрина? И Щедрин без Плисецкой? Риторические вопросы — разумеется. Они были бы просто другие.

Если бы не появилась Плисецкая, то ее надо было бы выдумать. Ведь в балете после Галины Улановой дальше идти было некуда, ее последователей ожидало эпигонство. Советский балет, признанный во всем мире эталонным, на деле закосневал.

Все сошлось. «Недостатки» балетного образования провоцировали Майю Михайловну на дерзкие эксперименты. Не говоря уже о гениальных, пока еще неосознанных и интуитивных прозрениях балерины.

Приезд французского балета. Горизонты новых тенденций, знакомство с творчеством хореографов Баланчина, Бежара и других. И наконец — ослепительный блиц, «Кармен-сюита» с Щедриным и Алонсо.

В чем заключалась революция Майи Плисецкой и Родиона Щедрина? Освободившись словно от всех жизненных зависимостей, их искусство стало самим собой и ничем иным. Не растеряв гениальных индивидуальностей, их творческие потоки и энергетика переплелись и полностью растворились в их общем творении — «Кармен-сюите».

Композитор Щедрин накопил к тому времени огромное мастерство во всех жанрах. Когда случай или счастливое стечение обстоятельств заста-

Вступление, или Путь к диалогу

вили его обратиться к опере Бизе, тогда все его накопленное мастерство и гений выплеснулись с афористической силой, элегантною и вкусом в балете. Он сдернул оболочку «привычной музейности» с шедевра французского композитора. Щедрин придал музыке оперы современный блеск, темы засверкали в его инструментовке с обновленной грацией и энергетикой. Словом, шедевр был воссоздан заново. Вот тогда и явилось миру новое содружество, двуединая комета Плисецкая—Щедрин. Это был мир раскрепощенной хореографии, лишенной нафталинового привкуса.

Их легендарные имена мне были известны с тех пор, как я себя помнил. Познакомились же мы лично только в середине девяностых в Мюнхене. И почти сразу же начались наши беседы, окрашенные благодаря Майе Михайловне и Родиону Константиновичу всегда в доверительные тона. Мы разговаривали во время прогулок по городу, бесцельно глаза на витрины. Или поездок на природу в горы, на озера. В антрактах и после концертов. Во время совместных посиделок за бокалом пива и прочих застолий в кафе, ресторанах или просто за кухонным столиком, где мне не раз довелось отведать манной каши, сваренной великой балериной. Среди грохота футбольных болельщиков на стадионе, по телефону. О чем мы только ни говорили — но в основном, конечно, о музыке, театре, о легендарных деятелях искусства, премьерах, гастролях, о временах, так сказать, и нравах.